

УДК 31**Дополнение механизма мягкой силы в территориальной стратификации****Забайкин Юрий Васильевич**

Кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры производственного и финансового менеджмента,
Российский государственный геологоразведочный университет
им. Серго Орджоникидзе,
117997, Российская Федерация, Москва ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: 89264154444@yandex.ru

Сологуб Владимир Антонович

Доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры государственного и муниципального управления,
Южно-Российский институт управления (филиал),
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
344002, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54;
e-mail: sva@aanet.ru

Красавина Екатерина Валерьевна

Доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин,
Российская таможенная академия,
140015, Российская Федерация, Люберцы, Комсомольский проспект, 4;
e-mail: krasavina_2905@mail.ru

Аннотация

Современная обстановка в мире характеризуется значительным расширением географии межэтнических, религиозных, политических, экономических и территориальных противоречий, которые при определенных условиях способны перерасти в вооруженные конфликты.

Происходящие вооруженные конфликты при всем их многообразии не имеют аналогов. Каждому из них присущи свои особенности, которые определяют организационную и практическую работу по ликвидации медико-санитарных последствий. Это обстоятельство затрудняет разработку общих схем и принципов ликвидационных мероприятий и обязывает руководителей здравоохранения, участников ликвидации медико-санитарных последствий быть готовыми к применению нестандартных решений в каждом конкретном случае.

Вооруженный конфликт отличается от войны ограниченностью поставленных противоборствующими сторонами конечных целей.

В вооруженном конфликте не ставится целью создание угрозы существованию

политической и экономической системы, угрозы суверенитету противника. Целями вооружённого конфликта являются преобразование или сохранение имеющихся отношений, изменение военно-политической обстановки в регионе в собственную пользу, получение экономической выгоды, получение политических или стратегических преимуществ.

Ввиду ограниченности политических целей преследуемых в ходе вооружённого конфликта, применение военной силы также ограничивается определённой географической областью. Вооружённое противостояние как правило ведётся в приграничных зонах, в отдельных районах государства, на островных территориях. Участие в боевых действиях принимает лишь часть вооружённых сил государства. В некоторых случаях в вооружённых конфликтах принимают участие иррегулярные вооружённые формирования (наёмники, партизаны).

Для цитирования в научных исследованиях

Забайкин Ю.В., Сологуб В.А., Красавина Е.В. Дополнение механизма мягкой силы в территориальной стратификации // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 4В. С. 203-210.

Ключевые слова

Политические цели, вооруженное противостояние, вооруженный конфликт, государство.

Введение

К диссидентским силам или организованной вооруженной группе предъявляются три основных требования, прежде чем АРП станет применимым. Во-первых, они должны находиться под ответственным командованием, которое в комментарии АРП толкуется как требующее организации, способной планировать и проводить устойчивые и согласованные военные операции и устанавливать дисциплину при осуществлении фактической власти. В комментарии АРП четко указывается, что способность властных органов осуществлять управление имеет решающее значение независимо от того, осуществляются ли такие операции на самом деле и поддерживается ли такая дисциплина. Однако фактическое проведение таких операций и фактическое поддержание дисциплины будут иметь отношение к определению того, существует ли такое ответственное командование [Цейковец, 2015].

Во-вторых, повстанцы должны контролировать достаточную территорию для проведения устойчивых и согласованных военных операций, и осуществления АРП, например, путем надлежащего ухода за ранеными и больными и обеспечения достойного обращения с заключенными. В некоторых конфликтах повстанцы никогда не контролируют территорию в течение достаточного периода времени, с тем чтобы можно было выполнить обязательства по РРП. В других районах значительные участки территории остаются под контролем повстанцев в течение длительного периода времени, с тем чтобы можно было удовлетворить инфраструктурные потребности АРП. Вопрос о том, соблюдаются ли на самом деле нормы договора, будет другим вопросом, но если соблюдаются, то это будет важным фактором при определении статуса конфликта. Критический момент заключается в том, контролируется ли достаточная территория, с тем чтобы можно было проводить устойчивые и согласованные военные операции и выполнять обязательства по протоколу.

В-третьих, должен быть вооруженный конфликт. Протокол недвусмысленно исключает внутренние беспорядки и напряженность, такие как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и другие акты аналогичного характера. Конфликт должен быть особенно интенсивным, чтобы его можно было рассматривать как вооруженный конфликт. Это означает, что тяжесть насилия, степень его устойчивости и степень^ и характер военного участия в нем относятся к числу факторов, которые необходимо учитывать при принятии решения о том, имеет ли место вооруженный конфликт. Мы выделяем ряд признаков для оказания помощи в принятии решения о том, достигло ли насилие необходимого уровня интенсивности. Они включают в себя ряд инцидентов, уровень, длина и продолжительность насилия, географическое распространение насилия, смертей, ранений и повреждений, вызванных насилием, мобилизацией физических сил и раздачей оружия для них, оружия, используемого сторонами, заключением соглашения о прекращении огня и мирных соглашений, привлечения третьих лиц, планирует ли Совет Безопасности ООН преследования за преступления, это применимо только в вооруженных конфликтах и предоставления амнистии.

Основная часть

Если военная сила используется в государстве в качестве превентивной меры для поддержания правопорядка, это не будет равносильно вооруженному конфликту. Равным образом, применение силы государственными органами внутренней безопасности для борьбы с отдельными беспорядками или актами терроризма и поддержания общественного порядка также не будет представлять собой вооруженного конфликта. Это объясняется тем, что внутренние беспорядки, спорадические акты насилия, определенная террористическая деятельность и аналогичные события регулируются внутренним уголовным законодательством государства, в котором происходят такие события [Суслов, Жукова, 2014]. Международное право вооруженных конфликтов применимо только тогда, когда государство уже не просто занимается преступной деятельностью внутри страны, а использует вооруженную силу для судебного преследования в связи с вооруженным конфликтом, который происходит в пределах его границ. То есть, АРП относится только к полномасштабной гражданской войне. Определение немеждународного вооруженного конфликта в Протоколе II имеет настолько высокий порог, что фактически он исключал бы большинство революций и мятежей и, вероятно, не действовал бы в гражданской войне до тех пор, пока повстанцы не были бы хорошо подготовлены и не создали какую-либо форму правительства де-факто. Некоторые государства применяют АРП и в принципе любой немеждународный вооруженный конфликт идет в рамках общей статьи 3. Однако они представляют собой различные категории коллизий в нашем правовом спектре.

Статья 3 представляется в идентичной форме во всех четырех Женевских конвенциях 1949 года. Что-то вроде мини-конвенции, статья касается такого явления как вооруженный конфликт не международного характера, происходящий на территории одной из Высоких Договаривающихся Сторон.

Поэтому эти вооруженные конфликты внутри государства, но которые не обязательно совпадают с ограничениями АРП. Таким образом, вооруженные силы соответствующего государства не обязательно участвуют в вооруженном конфликте, который может иметь место исключительно между диссидентскими группировками вооруженных сил, или между организованными вооруженными группами, или между диссидентскими вооруженными силами

и организованными вооруженными группами.

Кроме того, нет необходимости доказывать, что повстанцы осуществляют какой-либо конкретный контроль над территорией. В частности, способность диссидентских сил или групп осуществлять устойчивые операции не обязательно должна определяться степенью их территориального контроля, равно как и степень, в которой они осуществляют такой территориальный контроль, не должна быть достаточной для того, чтобы они могли выполнять юридические обязательства, подобные тем, которые изложены в РРП.

Однако, чтобы быть вооруженным конфликтом в рамках общей статьи 3, должны быть соблюдены определенные критерии. В конфликт должна быть вовлечена хотя бы одна организованная вооруженная группа, которая может состоять из диссидентских сил, обладающих необходимой степенью организованности, и боевые действия должны достичь определенного уровня интенсивности. Мы идентифицируем определенные показатели, как критерий "организации", а именно, существует ли командная структура, есть ли дисциплинарные правила и механизмы, наличие штаб-квартиры, контроль определенной территории, доступ к оружию, военной технике, призывникам и военной подготовке, умению планировать, координировать и выполнять военные операции, возможность определения единой военной стратегии и использовать тактику, чтобы говорить в один голос заключать соглашения о прекращении огня. Мы выделяем три основные причины требования о том, чтобы вооруженная группа была организована. Речь идет о том, что требуемая интенсивность насилия может зависеть от организуемой вооруженной группы; эта организация предполагает, что насилие носит коллективный характер, а не осуществляется случайными лицами, и что эта организация позволяет вооруженной группе соблюдать право вооруженных конфликтов [Бакаева, Высочанская, 2018]. Из этих причин мы делаем вывод о том, что последние две являются наиболее важными и что именно понятие "стороны в конфликте" с соответствующими обязанностями отличает вооруженные конфликты от внутренней напряженности.

Выражение "вооруженный конфликт" в договорах не определено. Вместе с тем в деле обвинитель против Тадича было предложено: 'вооруженный конфликт существует всякий раз, когда имеет место применение вооруженной силы между государствами или затяжное вооруженное насилие между правительственными органами и организованными вооруженными группами внутри государства'. Мы выделяем 7 сценариев, которые в последних 2 случаях не без противоречий включены в типологию немеждународных вооруженных конфликтов, а именно :

- правительственные силы, сражающиеся с организованными вооруженными группами;
- организованные вооруженные группы, сражающиеся друг с другом в пределах государства;
- конфликты первого типа, распространяющиеся на территорию соседнего государства;
- многонациональные вооруженные силы, воюющие на его территории бок о бок с вооруженными силами принимающего государства против организованной вооруженной группы(группировок);
- силы ООН или региональных организаций, которые оказываются вовлеченными в аналогичные ситуации, описанные выше;
- нестандартные ситуации;
- государства участвуют в военных действиях с негосударственной стороной, действующей от имени террористов, такие как "Аль-Каиды" и ее филиалов и Соединенных Штатах.

Ссылка на "затяжное вооруженное насилие" вводит временное понятие в определение немеждународного вооруженного конфликта. Общая статья 3 обязывает все стороны в вооруженном конфликте проявлять гуманность и не допускать дискриминации в отношении тех, кто не принимает активного участия в военных действиях или кому отказано в участии в боевых действиях. Они не должны подвергаться: насилию по праву на жизнь и физическую неприкосновенность; увечья; жестокое обращение, пыткам и истязаниям; взятию заложников; посягательству на человеческое достоинство; осуждению и проведению казней без надлежащего процесса и раненые и больные должны быть собраны и у них необходимо проявить заботу. Это минимальные стандарты, которые должны соблюдаться во всех вооруженных конфликтах немеждународного характера. Попытка МККК в 1949 году применить Конвенции в целом к немеждународным вооруженным конфликтам не увенчалась успехом, поскольку государства не были готовы пойти так далеко, чтобы позволить международному надзору за их внутренними делами. Рассмотрим, однако, определение администрации Буша о том, что Женевские конвенции не применяются к задержанным талибам и Аль-Каиде, поскольку они являются "незаконными комбатантами", в результате чего они не имеют защиты ни по Женевской конвенции III, ни по общей статье 3, что является полным отказом в защите, который Франсуаза Хэмпсон правильно характеризует как противоречащий конвенциям.

Однако если вооруженный конфликт отвечает критериям АРП и если этот протокол применяется к нему, то должны соблюдаться обязательства, содержащиеся в общей статье 3, а также обязательства, предусмотренные в протоколе. Кроме того, стороны в вооруженном конфликте, регулируемом общей статьей 3, должны стремиться к вступлению в силу посредством специальных соглашений всех или частей других положений конвенций.

Однако на практике конфликтные ситуации могут быть несколько более сложными, чем можно было бы предположить в ходе обсуждения. Вопрос о существовании международного вооруженного конфликта в Боснии и Герцеговине в мае 1992 года рассматривался Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии в деле Тадича. Апелляционная сторона постановила, что конфликт или конфликты имеют как международные, так и немеждународные характеристики. Кроме того, ссылка в общей статье 3 на 'территорию одной из Высоких Договаривающихся Сторон' не препятствует тому, чтобы немеждународный вооруженный конфликт охватывал более одного государства. Марко Сассоли должен быть прав, когда он считает, что даже конфликт, распространяющийся через границы, остается немеждународным вооруженным конфликтом. Рассмотрим также боевые действия 2006 года с участием Израиля и "Хезболлы" в Ливане. Проведенный обширный анализ соответствующих событий и состояния конфликта позволяет сделать вывод о наличии противоречивых показателей того, имел ли место международный или немеждународный вооруженный конфликт. Мы делаем вывод о том, что международные и немеждународные вооруженные конфликты происходили параллельно, и подчеркивает, что эти вопросы не являются спорными. Эти вопросы классификации глубоко повлияли на статус захваченных боевиков "Хезболлы". "Поскольку конфликт был раздвоен, а конфликт между Израилем и "Хезболлой" был внетерриториальным немеждународным вооруженным конфликтом, вопрос о том, следует ли предоставлять статус военнопленных бойцам "Хезболлы", не имеет значения, и Израиль рассматривает их в соответствии с Законом о задержании незаконных комбатантов.

Ситуация может стать еще более сложной, если одно из образований, вовлеченных в конфликт, будет иметь туманный, слабо связанный состав, типичный для "Алькаеды", так что характеристика этого образования как организованной вооруженной группы станет

проблематичной. Если группа, используя силу против правительства не соответствует критериям организации военных действий, тем не менее интенсивная, не будут приравниваться к немеждународного вооруженного конфликта, в результате чего применение силы силами безопасности должно отвечать требованиям применимого внутреннего права и прав человека .

Мы отвергаем согласие территориального государства в качестве критерия для определения того, являются ли трансграничные вооруженные конфликты международными или немеждународными, предпочитая сосредоточиться на сторонах конфликта отчасти потому, что определение и классификация вооруженного конфликта должны оставаться отделенными от возможных нарушений *jus ad bellum*. Автор, однако, не согласен. Нарушение суверенитета, безусловно, является международной ошибкой, оправдывающей определенные действия в соответствии с *jus ad bellum*. Однако этот аспект не меняет того значения, которое отсутствие согласия территориального государства имеет для характеристики возникающих в результате военных действий. Применение вооруженной силы одним государством в нарушение суверенитета другого государства, по-видимому, представляет собой международный вооруженный конфликт.

Это, конечно, важные современные проблемы и нет сомнений в том, что разнообразные и часто сложные характеристики современной войны не всегда легко могут вписаться в установленные рамки разграничения международного и немеждународного вооруженных конфликтов [Балканов, Старцун, 2018]. Кроме того, независимо от правовых формальностей, обсуждаемых в этом разделе, остается важный вопрос, а именно: кто решает, существует ли немеждународный вооруженный конфликт? Часто правящее правительство просто объявляет, что повстанцы — это просто бандиты, которыми должны заниматься военизированные силы правительства или Национальная полиция. Безусловно, протокол редко играл какую-либо роль в вооруженных конфликтах немеждународного характера’.

В вооруженных конфликтах немеждународного характера не существует статуса комбатанта и, следовательно, иммунитета комбатанта, поэтому повстанцы, совершающие враждебные действия во время такого конфликта, по-прежнему подлежат преследованию в соответствии с внутренним законодательством за, например, убийство, причинение уголовного ущерба, нанесение ранений и т.д. соответствуют ли эти акты праву вооруженных конфликтов или нарушают его. Вместе с тем существует веский аргумент в поддержку существования обычной нормы предоставления силам государственной безопасности привилегий в отношении применения силы во внутренних вооруженных конфликтах.

Ни одно обсуждение правового спектра конфликта не является полным без ссылки на оккупацию. Оккупация классически определяется в гаагских правилах 1907 года следующим образом: временное считается оккупированным, когда оно фактически передано под власть враждебной армии. Оккупация распространяется только на территорию, на которой подобное управление установлено и может осуществляться.

Общая статья 2 Женевских конвенций продолжает применяться во всех случаях частичной или полной оккупации территории Высокой Договаривающейся Стороны, даже если этой оккупации не оказывается сопротивления. Статья 6 четвертой Женевской конвенции предусматривает, что некоторые элементы этой Конвенции более не применяются через год после общего завершения военных операций. Однако в тех случаях, когда оккупационное государство сохраняется после истечения этого годового периода, оккупирующая держава, если она выполняет роль правительства на оккупированной территории, должна предоставлять конкретные права и защиту. API также для применения во время оккупации, но что заявление

не подлежит ограничению одним годом. В тех случаях, когда лица были задержаны, но оккупация заканчивается, пока они остаются под стражей, ГКИВ и АРІ будут продолжать обращаться к ним до их окончательного освобождения, репатриации или восстановления.

Заключение

Существуют сложные правовые вопросы, касающиеся определения того, что означает или, соответственно, не означает прекращение оккупации; эти вопросы и это определение имеют решающее значение для классификации связанного с этим вооруженного конфликта как международного или немеждународного. Принимая во внимание соответствующие факторы, приходим к выводу о том, что, несмотря на разъединение, Израиль по-прежнему оккупирует Газу. Вопрос о том, существует ли государство оккупации, может быть неясным и / или спорным. В конечном счете это будет вопрос, который будет определен путем ссылки на факторы, упомянутые в статье 42 Гаагского положения 1907 года.

Библиография

1. Цейковец Н.В. Глобализация как фактор перехода от военного к экономическому принуждению в международных конфликтах // В сборнике: Наука и образование в XXI веке Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 5 частях. ООО "АР-Консалт". 2015. С. 111-112.
2. Бакаева А.В., Высочанская А.А. Международно-правовая регламентация разрешения международных вооруженных конфликтов // В сборнике: достижения вузовской науки 2018 сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса : в 2 ч.. 2018. С. 226-230.
3. Балканов И.В., Старцун В.Н. Войны XXI века: зарождение новых норм международного права // Вестник военного права. 2018. № 1. С. 71-79.
4. Суслов М.Г., Жукова Т.М. Сила права и право силы в истории и современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4 (26). С. 21-27.

The addition of a mechanism of soft power in territorial stratification

Yurii V. Zabaikin

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of production and financial management,
Russian State Geological Prospecting University named after Sergo Ordzhonikidze,
117997, 23 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 89264154444@yandex.ru

Vladimir A. Sologub

Doctor of Sociology, Associate Professor,
Professor of the Department of State and Municipal Administration,
South Russian Institute of Management (branch),
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
344002, 70/54 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: sva@aanet.ru

Ekaterina V. Krasavina

Doctor of Sociology, Associate Professor,
Professor of the Department of Humanities,
Russian Customs Academy,
140015, 4 Komsomol'skii prospekt av., Lyubertsy, Russian Federation;
e-mail: krasavina_2905@mail.ru

Abstract

The current situation in the world is characterized by a significant expansion of the geography of interethnic, religious, political, economic and territorial contradictions, which under certain conditions can develop into armed conflicts.

The ongoing armed conflicts, with all their diversity, have no analogues. Each of them has its own characteristics that determine the organizational and practical work on the elimination of health consequences. This circumstance complicates the development of General schemes and principles of liquidation measures and obliges health managers, participants in the elimination of health consequences to be ready to use non-standard solutions in each case.

Armed conflict differs from war in the limitation of the ultimate goals set by the warring parties.

In an armed conflict, it is not intended to endanger the existence of the political and economic system or threaten the sovereignty of the enemy. The objectives of an armed conflict are to transform or preserve existing relations, to change the military and political situation in the region in their own favor, to obtain economic benefits, to obtain political or strategic advantages.

In view of the limited political objectives pursued during armed conflict, the use of military force is also limited to a certain geographical area. Armed confrontation is usually conducted in border areas, in certain areas of the state, on island territories. Participation in hostilities takes only part of the armed forces of the state. In some cases, irregular armed groups (mercenaries, guerrillas) take part in armed conflicts.

For citation

Zabaikin Yu.V., Sologub V.A., Krasavina E.V. (2019) *Dopolnenie mekhanizma myagkoi sily v territorial'noi stratifikatsii* [The addition of a mechanism of soft power in territorial stratification]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (4B), pp. 203-210.

Keywords

Political goals, armed confrontation, armed conflict, the state.

References

1. Tseikovets N. V. Globalization as a factor of transition from military to economic coercion in international conflicts // in the collection: Science and education in the XXI century Collection of scientific papers on the materials of the International scientific and practical conference: in 5 parts. AR-consult LLC. 2015. Pp. 111-112.
2. Bakaeva A.V., Vysochanskaya A. A. International legal regulation of the resolution of international armed conflicts // in the collection: achievements of University science 2018 collection of articles of the II International research competition : in 2 hours.. 2018. Pp. 226-230.
3. Balkanov I. V., Startsun V. N. Wars of the XXI century: the birth of new norms of international law. *Vestnik voennogo Prava*. 2018. No. 1. Pp. 71-79.
4. Suslov M. G., Zhukova T. M. Power law and the law of force in history and modernity // *Vestnik of Perm University. Legal science*. 2014. No. 4 (26). Pp. 21-27.